

**Всю жизнь любил он
рисовать войну**

Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблем пошел ко дну,
Не дописав последнюю картину.

Всю жизнь лечиться люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преследовал
жестоко

И умер, сам привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Всю жизнь привык он пробовать сердца.
Начав еще мальчишкой с «нююпора»,
Он в сорок лет разбился, до конца
Не испытал последнего мотора.

Никак не можем помириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не долечив, не долетев до цели.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы...

1939

Мальчик

Когда твоя тяжелая машина
Пошла к земле, ломаясь и гремя,
И черный столб взбешенного бензина
Поднялся над кабиною стоймя,
Сжимая руль в огне последней вспышки,
Разбитый и притиснутый к земле,
Конечно, ты не думал о мальчишке,
Который жил в Клину или Орле:
Как ты, не знавший головокруженья,
Как ты, он был упрям, драчлив и смел,
И самое прямое отношенье
К тебе, в тот день погибшему, имел.

Пятнадцать лет он медленно и твердо
Лез в небеса, упрямо сжав штурвал,
И все тобой не взятые рекорды
Он дерзкою рукой завоевал.
Когда его тяжелая машина
Перед посадкой встала на дыбы
И, как жестянка, сплющилась кабина,

Задев за телеграфные столбы,
Сжимая руль в огне последней вспышки,
Придавленный к обугленной траве,
Он тоже не подумал о мальчишке,
Который рос в Чите или в Москве...

Когда уже известно, что в газетах
Назавтра будет черная кайма,
Мне хочется, поднявшись до рассвета,
Врываться в незнакомые дома,
Искать ту неизвестную квартиру,
Где спит, уже витая в облаках,
Мальчишка — рыжий маленький
задира,
Весь в ссадинах, веснушках, синяках.

1939

Кукла

Мы сняли куклу со штабной машины.
Спасая жизнь, ссылаясь на войну,
Три офицера — храбрые мужчины —
Ее в машине бросили одну.

Привязанная ниточкой за шею,
Она, бежать отчаявшись давно,
Смотрела на разбитые траншеи,
Дрожа в своем холодном кимоно.

Земли и бревен взорванные глыбы;
Кто не был мертв, тот был у нас
в плену.

В тот день они и женщину могли бы,
Как эту куклу, бросить здесь одну...

Когда я вспоминаю поражение,
Всю горечь их отчаянья и страх,
Я вижу не воронки в три сажени,
Не трупы на дымящихся кострах, —

Я вижу глаз ее косые щелки,
Пучок волос, затянутый узлом,
Я вижу куклу, на крученом шелке
Висящую за выбитым стеклом.

1939

Танк

Вот здесь он шел. Окопов три ряда.
Цепь волчьих ям с дубовой щетиной.
Вот след, где он попятился, когда
Ему взорвали гусеницы миной.

Но под рукою не было врача,
И он привстал, от хромоты страдая,
Разбитое железо волоча,
На раненую ногу припадая.

Вот здесь он, все ломая, как таран,
Кругами полз по собственному следу
И рухнул, обессиленный от ран,
Купив пехоте трудную победу.

Уже к рассвету, в копоти, в пыли,
Пришли еще дымящиеся танки
И сообща решили в глубь земли
Зарыть его железные останки.

Он словно не закапывать просил,
Еще сквозь сон он видел бой
вчерашний,
Он упирался, он что было сил
Еще грозил своей разбитой башней.

Чтоб видно было далеко окрест,
Мы холм над ним насыпали
могильный,
Прибив звезду фанерную на шест —
Над полем боя памятник посильный.

Когда бы монумент велели мне
Воздвигнуть всем погибшим здесь,
в пустыне,
Я б на гранитной тесаной стене
Поставил танк с глазницами пустыми;
Я выкопал его бы, как он есть,
В пробоинах, в листах железа рваных, —
Невянущая воинская честь
Есть в этих шрамах, в обгорелых ранах.

На постамент взобравшись высоко,
Пусть как свидетель подтвердит по праву:
Да, нам далась победа нелегко.
Да, враг был храбр.
Тем больше наша слава.

1939

Орлы

Там, где им приказали командиры,
С пустыми карабинами в руках
Они лежали мертвые, в мундирах,
В заморских неуклюжих башмаках.
Еще отбой приказом отдан не был,
Земля с усталым грохотом тряслась,
Ждя похорон, они смотрели в небо;
Им птицы не выклевывали глаз.
Тень от крыла орлиного ни разу
Еще по лицам мертвых не прошла.
Над всею степью, сколько видно глазу,
Я не встречал ни одного орла.
Еще вчера в батальные картины
Художники по памяти отцов
Вписали полунощные равнины
И стаи птиц над грудой мертвецов.
Но этот день я не сравню с вчерашним,
Мы, люди, привыкаем ко всему,
Но поле боя было слишком страшным:
Орлы боялись подлетать к нему.